

В ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ

Памятник Чехову в Москве. Он станет в старинном сквере, мимо покатит гомон сегодняшней Петровки. Все справедливо. Если где и было Чехову хорошо, так это в Москве. Город благословенный, город его триумфа, город надежды — легкой, как дуновение, и столь же неосязаемой. А создается памятник в Ленинграде, скульптором — ленинградцем. И это тоже имеет значение. Петербург одарил его величием дружбы.

Конкурс проектов памятника Чехову в Москве состоялся в 1962 году. Победил Михаил Константинович Аникушин. Прошло пять лет после того, как на площади Искусств в Ленинграде встал его бронзовый Пушкин. Для всех он был еще неожиданно знаменит. Для себя же он думал, что Пушкина еще не пережил, расставание с ним впереди, а расставания не будет. Никогда.

А Чехов засветился в душе сразу, и работа пошла споро, легко... Но почти четверть века пролетело, а памятник Чехову все еще в мастерской скульптора на Песочной набережной. Еще не отдан в отливку, еще никому не показан. Только однажды Михаил Константинович позволил печатать фотографии. И посыпались письма: такой молодой! без пенсне! не Чехов — верста коломенская! Не

в сути претензий дело. Даже не в том, что Чехов все эти годы заслуживал срочной работой, требующей другого настроения, полной отдачи, огромной ответственности. Сколько сделано за эти годы! Памятник Ленину на Московской площади в Ленинграде. Монумент героическим защитникам Ленинграда на площади Победы. Пушкин на Черной речке. И ни с одной из этих работ Аникушин не спешил. Он в работе спешить не умеет. Срок готовности каждой определен будто помимо него. Тем часом, когда он вдруг может увидеть содеянное со стороны и удивиться: надо же, получилось!

Многое за эти годы получилось. А Чехов все стоял в маленькой мастерской, сначала один Чехов, потом другой, третий... Вот они все, рядом. И маленькую мастерскую можно бы назвать чеховским залом. Того, что стоит здесь, хватило бы на отдельную выставку, и такая выставка, наверное, со временем обязательно будет. Юный Чехов, почти мальчик. И рядом Чехов последнего ялтинского года. Вот усталый, не поборовший горечи человек, морщинка у губ, как знак беды. И вот почти такой же, только в прищуре глаз — мощь жизни. Чехов и Горький. Чехов и Левитан. Два скульптурных портрета — работы законченные, украсившие со-

бой коллекции Русского музея и Третьяковки.

Аникушин все сидел в углу, смотрел, думал... Вставало перед глазами безвременье русское, стальные тракты, понурые кони. Лили дожди и билось солнце, волна черноморская билась о ялтинский причал. Ну ладно — ум, гений, совершенство. Характер-то какой! Решимость какая! Твердость духа, непоколебимое благородство! И беспросветное несчастье, имя которому не болезнь, не неуспех — одиночество.

Наверное, прошли бы еще годы, если бы однажды Аникушин не открыл книгу переписки Чехова с Горьким. Как удивительно любил Чехов Горького! Как был до мелочей причастен к тому, что Горький писал. И как отчаянно ранен был письмом друга о прозе жизни, о лепете подрастающего сына... Чехов оставил России главу за главой великую трагедию ее бытия и великую ясность ее грядущего вздоха. Чехов утверждал светлую силу ее совести, утверждал каждым днем своей жизни...

Случайность обрела силу закономерности — сразу после Пушкина Аникушину предстояла работа и жизнь с образом Чехова. Если бы с того, 1962 года Аникушин остался с Чеховым один на один? Если бы ни-

чем их неспешный диалог не заслуживался? Долгой ли была бы работа, Михаил Константинович?! — спрашиваю я скульптора. И он, не замедлив, отвечает:

— Долгой. Не короче, чем стала. С Чеховым войтишь не просто в новую, сложную и необъятную человеческую жизнь. Войтишь в чеховскую Россию. В историю России, где есть такой пласт — чеховский. И как России без Чехова не уразуметь, так и Чехов без России непонятен. Изящнейшая проза, фраза легка, полетна, сродни претяжной русской песне, и также не успокаивает, а тревожит. Смех его — будто голос валдайского бубенца, так звонок. И рядом — трагедия «степи», неизбежность ее печали. А главное для меня, самое главное — совестливый был человек. Совестливый до самой высокой грани благородства, до той черты, где окончательно «выдавил из себя раба». И с ним можно тоже только по совести. Соединить прекрасное чеховское в прекрасном монументальном — задача сложная.

И вот, кажется, получилось!

И такое настроение замечательное сейчас у Аникушина — по-доброму получилось!

Э. ГОРЧАКОВА,
(Наш соб. корр.)

Ленинград.